Илья Муромец (5)

Был-жил богатырь. Ездил он всё по чисту полю, воевал. Не было у него ни сына, ни дочери. Всё он
молил, чтобы у них родился кто-то, сын ли, дочь ли. Вот родился у них сын. Назвали они Илья Муромец
его. Потом он рос хорошо, здоровый был, потом опился, ноги его носить не стали. А отец и мать ста́ры
стали, на поле работают. А его́вый сын все дома сидит.

Потом зашла к нему сироти́на — калика перехожая, просит милостыню: «Стань, молодец, дай мне
кусок хлеба, милостыню». А он и говорит: «Как я встану, у меня ноги не действуют». — «Встань, может
и встанешь. Подай, говорит, милостыню». Он стал пошевеливатьца, вставал, вставал и встал. Пошел, дал
ей милостыню. Поклонился ей и сказал: «Ты меня на ноги поставила, а то двадцать лет сидел».
Отец, мати приходят, а он ходит вокруг хаты своей. Мать возрадовалась: «Вот нам замена пришла,
на ногах ходит, работать будет».

Тут прошло несколько времячко, поработал Илья Муромец и говорит: «Докуль я здесь сидеть
буду, — ничего не знаю, сижу. Я, говорит, не буду работать: а дайте мне благословение, дайте мне оте́цко
копье ме́нно, долгомерно, и па́лицу боеву». Отец его не спускал сразу, а потом его благословил ехать.
Вывел ему коня доброго — сам ездил еще воевал. Вынял ему ружье цельное, двенадцать золотых стрелоцек,
па́лицу боевую, седло зеркальное, узду серебряну.

Вот он заседлал лошадь, сам направился, положил двенадцать подпругов, не ради басы́ — ради
кре́пости. И распростился он тут с отцем-матерью. Отец ему тут наказывал: «Поедешь, дитя, во чи́сто
поле, встретятца там росстони, три дороги; серый камень тут же. На камню написаны позоло́ты: перва́

дорога ехать — быть женатому, втора́ дорога ехать — быть богатому, а третья́ дорога — двадцать
лет никто

не ездил, заселился тут Идолище немецкое. И он тут, из-за него никто и не ездит. Он на трех дубах
толстых тут сидит, со стороны на двадцать верст никого не допускает: заревёт он криком звериным,
от голосу его лошади и валятся». И не велел ехать отец ему той дорогой: «Не езди той дорогой, не убивай
Идолище немецкое, не нарушай мое благословение».

И видели: молодец в стремена ступил, не видели, как на коня скочил. Вот он уехал. Вот он там ехал
близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли. Доехал к этим росстоням, эти надписи прочитал, кака куда
дорога.

Вот перва́ дорога — женатому быть. А он и говорит: «На чир мне женитьца, старому, мне не семнадцать
лет». Втора дорога — быть богатому. «Мне не надо, говорит, чужое богатство, своего хватит. А, говорит,
лучше поеду я, где живому не быть, испытаю счастья».

Вот он поехал. Дорога вся заросла. Одной рукой коня ведет, другой — сыры́ ду́бья рвет, направлят
дорогу. А здесь мостики сповы́гнили, столбики сповыломались. Он мостики принаправил, он столбики
припоставил. И всё вперед да едет. А Идолище немецкое узнал, что он близко, не допускат к себе.
Крикнул Идолище немецкое голосом, а у Ильи Муромца конь на колени пал. Он схватил лошадь
и говорит: «Что ты, конь, ты конь, травяно́й мешок, не слышал ты во́ронья гарканья?» Заскочил на коня
Илья Муромец и говорит: «Не велел мне отец до Киева лук спускать — приходитца», — говорит. Тугой
лук принатягивает, стрелоцку кладет, принаказывает:

«Ты лети, моя стрелоцка калёная,
Не упа́дывай ни на́ небо, ни на́ землю,
Залети́, моя стрелоцка калёная,

Идолищу прямо в правый глаз!»
Натянул он тугóй лук,
Спустúл стрелоцку калёную:
Не деревья с пней повалилися,
Не звери в лéси закричали —
Залетала стрелоцка Идолищу прямо в правый глаз,
И свалился Идолище с дубá нá землю.
Он ехал на коне, не останавливался,
Подхватил его себе на коня,
Приковал он его к лошадиной гриве
И поехал с ним вперед.

Едет он, а на дороги у Идолища много у него наубúвано, налóжено сыновей отецких. Едет, а у Идолища
жена да сыновья увидели и говорят: «Мама, папа едет да мужика везет». А мать посмотрела и говорит:
«Нет, детки, мужик-то едет да папу везет».

Побежали дети. Мужика колотят, хотят его с лошади стащить да убить. А стар казак сидит, Илья
Муромец, на лошади: которого ногой лягнет, так тот и повалится. Жена золотой казной выкупать мужа
ладит, а он едет мимо, не останавливатца, продолжат свой путь-дороженьку. Ни на цо он не смотрит.

Приежжат прямо в стольний Киев-град, проезжат к князю солнышку Владимиру. Едет он мимо заставы
крепкой, приехал он прямо к воротам, к князю Владимиру. Чела не бьет и головы́ не гнет. И тут поставил
он лошадь добрую с Идолищем немецким, а сам пошел во дворец. В ту пору было, в то времяцко было
собрано пирóванье-столóванье. Зашел он, поклонился во все стороны, царю-солнышку на особенности.
Стал государь у него спрашивать: «Ты еси, стар казак Илья Муромец, ты какой ехал путью́-дорожецкой?»
Он говорит: «Я ехал дорогой прямоезженой, по которой двадцать лет никто не езживал, птица
не летала, голосом всех убивал Идолище немецкое». Говорит ему Владимир-князь: «А как ты мог
тут пройти-проехати?» А он говорит: «У меня Идолище привезено на

лошади». А говорит ему солнышко
Владимир-князь: «Если привезено у тебя Идолище на лошади, заведи его в помещение». Он пошел, его
завел, зашел с Идолищем. Зашел стар казак с Идолищем — мост-то не выдержал, в помещение зашли, —
так всё помещеньице пошатнулосе. Посадил их князь Владимир на лавку за стол и говорит таковы́ слова́:
«Зареви ты, Идолище, криком звериным!» А этот говорит: «Не твое я пью-кушаю, не тебя я сейчас
слушаю. Не в твоих руках хожу. Заставит если стар казак, тогда я рёвкну».

Вот у стара́ казака стал князь просить: «Ну пускай он заревёт, я послушаю». Стар казак Илья
Муромец взял князя под ту руку, под пазуху, княгиню под другу руку и заставил зареветь Идолище
в полуго́лоса: око́льни стекла все сповыпали, а на божьи́х церква́х кресты повыломались. Лежали по часу
они, ничего не слышали. Пролежались и заставили Илья Муромца вывести его и насмерть убить. И он
вывел этого Идолища и расстрелял его. И зашел этот князь, по комнатам ходит да приговариват:
«Чем же я стану, стар казак Илья Муромец, дарить тебя за услу́гу?» Принес он шубоцку соболи́ную
о двенадцать пуговок, в каждой пуговки за́мчуги переливаются, петёлки все шелко́вы.

И вот тут пировєали они, столовєали целєы сєутоцки. Все напились, все бояра свалилися пьяные.
А князь ушел со своей Апраксеньей Андреевной в свои палаты белокєаменны. А стар казак Илья Муромец
стал весел,

Шубу эту пона́шиват
Да таковы́ слова́ приговариват:
«Уж ты будь, моя шуба, счастлива,
И будь, моя шуба, тала́ниста,
Я убил Идолище во чисто́м поли́,
Еще убить бы неприятеля со зятелком со Киршаком,
У его, у собаки, силы множество».
Этим боярам завиду́ стало,

За великую досаду показалося.

Стали они думать, что бы наврать на него. «Нас никто не даривал такими подарками, а приехал какой
нахва́листо, его подарил шубой князь». Побежали они, государю и наврали:

«Тывот подарил нахва́лище шубу,
Он по полу похаживает,
За рукав шубу повола́чивает
И шубы своей наговаривает:
„И быть ты, моя шуба, счастлива,
И быть, моя шуба, таланиста!
Я убил Идолище во чисто́м поли́,
Еще убить бы солнышка Владимира!“»

Вот они доложили всё за́лпом. Сейчас солнышко Владимир-князь призвал старо́го Илью Муромца
казака к себе. И вот говорит солнышко Владимир-князь: «Што ты, стар казак Илья Муромец
по́ полу похаживаешь, небылы́ми рецами похваляешься?» А он говорит: «Я не так ходил, не волочил
шубу и наговаривал: „Убил я Идолище во чисто́м поли́, а есть еще убить зятелка со Ки́ршаком. У его,
у собаки, силы мно́жества“». Говорит солнышко князь Владимир: «У меня бояре жили-ладили,
никогда не врали и теперь не соврали». Сейчас же он его взял, заставил слугам верным выкопать погреб.
Выкопали погреб и посадили его в этот погреб. Навалили чугунну плиту на его, на погреб. А была
княгиня. А хороша, ласкова, она пожалела его, она сделала ход подземельный из своей спальни, снесла
ему стол и книгу Евангелие читать. Наняла слугу верную. Доспела ему ход, и носит слуга верная ему
всё тайком.

Долго ли, мало ли, годов пятнадцать минуло. Переходили из города в город кали́ки убогие —
сироти́ны. И вот шла одна кали́ка убогая, хватила ее погода на дороге, она вся вымокла, устала.

И хотела эта калика огня добыть,
И хотела платье высушить.
Заметила она в чистом поле маленькую заметочку —
Едет этот неприятель со зятелком, со Ки́ршаком,
Со войском бессче́тным.
Не удало́ся калики огня добыть,
Не удало́ся платья высушить,
Побежала она прямо в стольный Киев-град,
С просьбой она к солнышку Владимиру.
Поклонилася она солнышку Владимиру:
«Заметила я в чистом поли заметочку,
Заметила я неприятеля неверного,
У его, у собаки, силы множество,
Переди его идет сорок тысяц,
Позади его идет сорок тысяц,
А по бокам у его цисто смёту нет.
И вот накры́ло то войско немецкое,
Кругом обошел он стольный Киев-град».
Запечалился солнышко князь Владимир, закручинился,
Не знает, на кого нынче надеятьца.
И говорит ему Апраксия Андреевна:
«Уж ты еси, солнышко Владимир-князь!
Есть у нас надежда с тобой великая,
Есть у нас стар казак Илья Муромец,
Сидит он пятнадцать лет в темном погребе,
Мы попросим его, постоит ли он верой-правдою за божьи́ церкви́».
И говорит солнышко таково́ слово́:
«Уж ты глупая баба, неразумная,
У тя волос до́лог, да ум коро́тенок,
Где же живой будет человек пятнадцать лет
Голоден, в темном погребе?»
А она его упрашиват: «Может и живой сидит?»
А неприятель этот подъехал и просит поединщика
И такими словами похваляетца:
«Я Киев-град огнём сожгу,
Святы́ иконы я сповы́колю,
Божьи церкви я сповы́ломаю,
Пресвяту́ Богородицу во грязи́ стопчу,
Солнышка Владимира возьму во конюхи,

А Апраксию Андреевну возьму во нянюшки!»
Запечалился солнышко, закручинился,
Не знает, на кого нынче надеяться.
И говорит Апраксия Андреевна таково́ слово́:
«Уж ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Есть у нас с тобой надежда великая,
Есть у нас стар казак Илья Муромец». —
«Глупая ты баба, неразумная,
Не в свое дело вмешиваешься».
Не послушался ее солнышко Владимир-князь.
А говорила Апраксия Андреевна в три раза́,
И пошел он смотреть по́гребы высокие.
Идет он нерадостен, неве́сел,
По земле несет буйну голову,
Потупя́ он несет очи глупые,
Со своими он боярами большебрюхими.
Открыли они погребы глубокие,
Оттянули эту плиту тяжелую,
И говорит солнышко Владимир-князь таково́ слово́:
«Уж ты ой еси, стар казак Илья Муромец!
Ты пособи́ моему горюшку великому,
Нападает на нас сила немецкая,
Немецкая она сила, неверная.
Послужи ты нам верой-правдою,
Ты не ради меня, а за всю землю́,
За божьи́ церкви́, за святы иконы!»
И сидит стар казак Илья Муромец,
Он цело́м не бьет и головы́ не гнет,
Никакого он ему ответа не дает.

(*Говорил он ему до трех раз, никакого он ему не дал ответа.*)

Пришла Апраксия Андреевна,
Говорит она таково́ слово́:
«Пособи нам горю великому,
Послужи нам верой-правдою!»
Он только мог дождаться слова Апраксии,
Он вылетел из погреба, как белый ку́ропать,
И сказал он ей таково́ слово́:
«Уж ты еси, Апраксия Андреевна!

Я рад служить и голову сложить для тебя,
Только нету у меня коня доброго,
Нету па́лицы боёвой,
Нету у меня долгомерного копья,
Туго́ва лука, стрелоцек калёныих».
Привела она его в палаты белокаменны,
Посадила она его за трапе́зоньку,
Наносила ему явства саха́рные,
Принесла ему она полштоф воды,
Наливает она ему меру немалую,
Наливает ему чару немалую — в полтора ведра.
Стар казак Илья Муромец берет эту чару одной рукой
И выпивает чару за один дух.
Говорит Апраксия Андреевна:
«Уж ты еси, стар казак Илья Муромец!
У меня сохранена твоя боёва лошадь,
Сохранены твои припа́сы военные».
Вывели ему добра́ коня,
Вынесли ему всю сбрую лошадиную,
Приправу всю военную.
Он выехал во чисто́ поле
Один на один битьца с неприятелем.
А у него, у собаки, силы множество:
У него впереди сорок тысяц, позади сорок тысяц,
По бокам числа-сме́ты нет.
И выехал он, и махнет он этой палицей:
Направо махнет — целой улицей ва́лятца,
Налево махнет — переулками.
Сколько он бьет, друга́ столько конь убьет, грудью валит их.
И сколько он бился тут, ратился,
И выбил он тут от еди́на до еди́ного.

Киршика взял в плен, а сам князь-то неверный убежал. И он выбил тут, вернулся, всех бояр
большебрюхих тут же повыколотил. Солнышко Владимир-князь встрещает его и боитца его, он и говорит ему,
а Илья Муромец ни одно слово в ответ не дает, говорит лишь с Апраксией Андреевной, которая кормила
и поила его. А князь-то запрятался, когда бояр убивать стали, во божье́й церкви́ его нашли. Вот тут они

возвели столо́ванье-пиро́ванье. Солнышко князь Владимир со своей Апраксией Андреевной стали жить
за его́вым распорядком.

(Зап. Митропольской Н. К. и Переваловой Е. И.: авг. 1942 г., д. Среднее Бугаево Усть-Цилемского р-на — от Мяндиной Елены Григорьевны, 69 лет (уроженки д. Карпушовка). Былину переняла от отца Григория Васильевича Дуркина.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.